

© **К. Н. Вергелес**

4. Цимбалюк Н. М. Соціально-економічні проблеми вдосконалення культурно-дозвіллевої діяльності в закладах культури України (теорія, методика, практика) / Н. М. Цимбалюк. – К., 1997. – 151 с.
5. Державна програма (проект): «Культура. Просвітництво. Дозвілля». – К.: УЦКД, 1995. – 20 с.
6. Українське суспільство 1992-2010. Соціологічний моніторинг / [за ред. В. Ворони, М. Шульги]. – К.: Ін-тут соціології НАН України, 2010. – 636 с.
7. Культурная активность молодежи. Социология культуры: Сб. науч. трудов / [отв.ред. Е. В. Затуловская]. – М.: НИИК, 1989. – 142 с.
8. Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. Кол. монографія / [під ред. М. О. Шульги]. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 1999. – 687 с.

УДК 001.891:316.647+303.442.4

К. Н. Вергелес - аспірант кафедри філософії і методології науки Одеського національного політехнічного університета

ПРЕДПОНИМАНИЕ И ПОНИМАНИЕ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ И НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Исследуется соотношение понятий «предпонимание» и «понимание» в науке. Показывается, что предпонимание является началом понимания по аналогии с концепцией, которая является началом построения теории.

***Ключевые слова:** предпонимание, понимание, концепция, теория, научное исследование, научное знание.*

ПЕРЕДРОЗУМІННЯ ТА РОЗУМІННЯ В НАУКОВОМУ ДОСЛІДЖЕННІ ТА НАУКОВОМУ ЗНАННІ

Досліджується співвідношення між поняттями «передрозуміння» та «розуміння» в науці. Показується, що передрозуміння є початком розуміння за аналогією з концепцією, яке є початком побудови теорії.

***Ключові слова:** передрозуміння, розуміння, концепція, теорія, наукове дослідження, наукове знання.*

PRECOMPREHENSION AND COMPREHENSION IN SCIENTIFIC RESEARCH AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The correlation of the terms “pre-comprehension” and “comprehension” in the science is analysed in the paper. Pre-comprehension is shown as an outset of comprehension much as conception that is an outset of the theory constructing.

***Keywords:** pre-comprehension, comprehension, conception, theory, scientific research, scientific knowledge.*

Настоящая работа посвящена вопросу соотношения предпонимания и понимания в научном исследовании и научном знании. Такая постановка вопроса продиктована тем моментом, что обычно под «пониманием» в философии и науке понимается определенная познавательная процедура или способность, в то же время когда «предпонимание» обычно понимается как то, что предшествует пониманию.

Источниками, на которые мы будем опираться, будут статьи, взятые из энциклопедических словарей по философии. Данный выбор источников продиктован тем, что существуют различные интерпретации понятий «предпонимание» и «понимание». В связи с этим мы хотели бы основываться на чём-то более или менее конвенциональном, общепринятом, стандартизированном. Такой может

быть только интерпретация понятий, представленная либо в учебниках, либо в энциклопедических словарях.

Начнём с определения понятия «понимание». Обратимся к статьям, представленным в «Новой философской энциклопедии» и «Энциклопедическом словаре по эпистемологии». Определение А. П. Огурцова: «Понимание – категория, использовавшаяся в различных философских дискурсах для характеристики: 1) познавательной способности, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума и по-разному истолковываемой; 2) процедур герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик, используемых в них знаков, символов, слов, предложений при переводе на другой язык, и вообще постижение смысла культурных формообразований; 3) специфического способа бытия человека в мире, которое рассматривается в фундаментальной онтологии и философской герменевтике как экзистенциал, как основной модус бытия, как проект, как усмотрение возможностей существования, как понимающее бытие возможностей» [10, с. 279]. В приведенном определении понятие «понимание» понимается как познавательная способность, как процедура истолкования и как способ бытия человека. Каждая из предложенных выше интерпретаций понятия «понимание» ведет к своему собственному пониманию, что такое «понимание». Так, понимание как познавательная способность подразумевает, что понимание есть определенное качество познающего (субъекта); понимание как процедура истолкования – что понимание есть определенная последовательность шагов в истолковании; понимание как способ бытия человека – что понимание есть состояние человека.

Теперь взглянем на определение В. П. Филатова: «Понимание – 1) универсальная способность сознания, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся представлений; 2) уразумение смысла или значения чего-либо; 3) категория эпистемологии, обычно противопоставляемая объяснению в контексте различия наук о природе и наук о культуре» [12, с. 267]. Первые два пункта в приведенном определении, по сути, совпадают с первыми двумя пунктами в предыдущем определении: «понимание» рассматривается как познавательная способность и как интерпретация (процедура). Различие состоит только в третьем пункте, который в каждом случае отмечает некоторую специфическую, не общую, позицию по вопросу, что такое «понимание». В определении А. П. Огурцова понимание рассматривается в онтологическом плане, а в интерпретации В. П. Филатова – в эпистемологическом.

Здесь важно отметить, что в обоих определениях «понимание» рассматривается как часть научного исследования, если понимать под «исследованием» вид научного познания, «направленный на производство знания» [4, с. 119]. Об этом свидетельствует то, что само исследование может выступать как «комплекс познавательных процедур» [4, с. 119], одной из которых может быть понимание. При всем том, осуществление этих «познавательных процедур» невозможно без способности нашего сознания осуществлять их.

На основании сказанного можно сделать вывод, что понимание – это одна из процедур научного исследования, возможная благодаря способности сознания её осуществлять.

Однако понимание связано не только с исследованием. В словарной статье В. П. Филатова, посвящённой понятию «понимание», можно прочитать следующее: «В русском языке лингвисты выделяют два основных блока значений: понимание-знание (уяснить, постичь что-либо, осознать смысл, уразуметь сущность чего-либо, владеть языком и т. п.) и понимание-истолкование (трактовать, расценивать, интерпретировать, подразумевать: «он понял этот жест как вызов»)» [12, с. 267]. Это означает, что «понимание» является также частью научного знания, если под «знанием» понимать форму социальной и индивидуальной памяти, свернутую схему деятельности и общения, «результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [6, с. 88].

Далее, когда мы выяснили, что такое «понимание», можно перейти к понятию «предпонимание». Здесь мы обратимся к определению В. И. Медведева, предложенного в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки»: «Предпонимание – предварительное, некритическое, нерелефлексивное понимание чего-либо» [7, с. 734]. Далее В. И. Медведев высказывает популярную точку зрения, что «предпонимание, по существу, тождественно предрассудку и трактуется чаще всего как препятствие на пути к достоверному знанию» [7, с. 734], однако, мы данную точку зрения ставим под сомнение в нескольких наших статьях [1-3].

Итак, В. И. Медведев говорит, что предпонимание есть «предварительное, некритическое, нерелефлексивное понимание». Ранее мы уже определили, что понимание является одной из процедур научного исследования, возможной благодаря способности сознания её осуществлять. На

основании сказанного мы можем поставить вопрос: «Следует ли предпонимание, так же, как понимание, рассматривать как определенную познавательную процедуру или способность?»

Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо нам обратиться к соотношению концепции и теории в философии науки. Вот как определяет «концепцию» С. С. Неретина в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки»: «Концепция – термин философского дискурса, который выражает или акт схватывания, понимания и постижения смыслов в ходе речевого обсуждения и конфликта интерпретаций, или их результат, представленный в многообразии концептов, не отлагающихся в однозначных и общезначимых формах понятий» [9, с. 391]. Данное определение явно основывается на философской позиции, известной как концептуализм [8]. Однако, нас будет интересовать в данном случае, что в статье С. С. Неретиной говорится далее о «концепции»: «Часто термин «концепция» отождествляется с такими терминами, как «идея», «теория», «система», подразумевая соединение элементов, образующих определенное единство, связанное с закономерностями действительности. Концепция, таким образом, связана с объективным положением вещей, хотя и сейчас понимается как руководящая идея, замысел и конструктивный принцип деятельности. Однако, идея замысла высказывается без какого-либо объяснения» [9, с. 391]. Из приведенной цитаты видно, что концепция может рассматриваться как «руководящая идея», «замысел» и «конструктивный принцип деятельности».

Другими словами, концепция носит начальный, предварительный характер понимания чего-либо. В этом плане концепция аналогична предпониманию. Концепция, как и предпонимание, необходима для того, чтобы познание (в случае науки – научное исследование) началось. Познающий, приступая к исследованию чего-либо, предварительно определяет для себя идею или замысел или принцип самого исследования, то есть того, что и как он хочет исследовать. Здесь уместна аналогия с тем, как понимается «система» в параметрической общей теории систем. Так, для того, чтобы построить систему в указанной теории необходимо определить три системных дескриптора: концепт, структуру и субстрат, причем построение системы начинается с выбора концепта. В параметрической общей теории систем «концепт, будучи «смыслом», «идеей» или «целью» системы, есть заранее определенное субъектом исследования свойство или отношение, которое определяет, каким именно образом должна быть составлена структура системы» [11, с. 77]. Благодаря этому определению можно уподобить «концепцию» в интерпретации С. С. Неретиной «концепту» в параметрической общей теории систем: и там и там речь идёт о (руководящей) идеи.

Однако, выбор концепта ещё не означает, что система построена. То же самое можно сказать и о концепции: наличие концепции ещё не означает, что научное исследование завершено. Конечной целью научного исследования может быть только создание научной теории: «Теория. – В широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории. По своему строению теория представляет внутренне дифференцированную, но целостную систему знания, которую характеризуют логическая зависимость одних элементов от других, выводимость ее содержания из некоторой совокупности утверждения и понятий – исходного базиса теории» [13, с. 973].

Значит, теория представляет собой завершённую систему знания, можно сказать, полное понимание объекта познания (по крайней мере, в заданных условиях). Концепция же претендует только на то, чтобы построить завершённую систему знания, то есть достичь полного понимания объекта познания. В этом плане концепция носит предварительный характер. При этом необязательно, что концепция представляет собой критическое и отрефлектированное понимание. Она существует в виде идеи (замысла, принципа), которая должна привести к построению определенной системы знания, к достижению понимания.

Итак, концепция, будучи предтеорией, выступает в таком случае как предпонимание, а теория, будучи системой знания, – как понимание. Более того, так как концепция выступает как начало построения теории, то и предпонимание выступает как начало понимания. Таким образом, предпонимание является частью понимания как познавательной процедуры, по всей видимости, начальным шагом в последовательности действий в научном исследовании.

Ниже мы рассмотрим на примерах из истории науки, как предпонимание и концепция предваряют понимание и теорию соответственно.

Пример, который мы рассмотрим, связан с тем, как Николай Коперник создал свою гелиоцентрическую систему мира. Сначала мы обратимся к статье в «Энциклопедии для детей» (в

томе, посвященном астрономии). Как нам кажется, в этой энциклопедии представлено самое простое и доступное объяснение причин создания системы Коперника. Вот что там говорится: первоначально «Коперник стремился сделать модель Птолемея более стройно и простой. В простоте, был он уверен, кроится истина. Путь к упрощению подсказал сам Птолемей, на страницах «Альмагеста» отвергнувший вращение и обращение Земли вокруг Солнца. Но то, что было несуразно полторы тысячи лет назад, стало предметом раздумий Коперника. Движение Земли просто объясняло многие явления: годовое движение Солнца по эклиптике, прецессию земной оси (если уподобить Землю покачивающемуся волчку), «привязанность» Меркурия и Венеры к Солнцу, необычайную яркость Марса во время его противостояний и, наконец, петлеобразное движение планет. (Мы наблюдаем движущиеся планеты с движущейся Земли.)» [14, с. 79]. Тогда Николай Коперник принялся изучать мнения древних о системе мира. «И он нашел у Цицерона, что мнения о вращении Земли вокруг оси придерживались пифагорейцы Эфрант и Гикет. Аристотель сообщал о ее орбитальном движении согласно воззрениям пифагорейца Филолая. Коперник, к сожалению, не знал гелиоцентрической системы Аристарха Самосского, поскольку рассказ Архимеда о ней был опубликован в Европе после его смерти. Авторитет античных учёных укрепил Коперника в желании довести до конца гелиоцентрическую теорию» [14, с. 79]. Исходя из сказанного, мы можем заметить, что к созданию гелиоцентрической системы мира Николая Коперника привело стремление дать более простое объяснение и понимание устройства мира, чем это сделал Птолемей в своей геоцентрической системе мира. В данном случае выходит: чтобы получить понимание устройство мира, Коперник вынужден был сформировать некоторое предпонимание в форме задачи дать простое понимание системы мира. Частью этого предпонимания Коперника стало его обращение к идеям древнегреческих астрономов.

Однако современные исследователи творчества Николая Коперника предлагают другие объяснение и понимание причин создания Коперником своей гелиоцентрической системы мира. Например, И. С. Дмитриев говорит следующее: «Если бы в арсенале астронома начала XVI столетия была бы только гелиоцентрическая идея Аристарха Самосского (III в. до н. э.) да туманные рассуждения о возможном суточном вращении Земли, вроде тех, что находим у Н. Орема, но при этом не было бы детально разработанной системы Птолемея с его идеей “*nested spheres*”, прийти к коперниканской гелиоцентрической / геокинетической космологии, скорее всего, было бы невозможно – помешали бы здравый смысл и отсутствие прямых эмпирических доказательств. Кеплер был, разумеется, прав, когда утверждал, что Коперник больше трактует Птолемея, чем Природу» [5, с. 40]. Данное высказывание очень важно: оно показывает, что без Птолемея не было бы и Коперника. Если ранее отмечалось, что Коперник пытался упростить систему Птолемея и в итоге пришёл к противоположной системе, то у И. С. Дмитриева отмечается, что система Коперника есть результат интерпретации, по сути, переосмысления системы Птолемея. Другими словами, геоцентрическая система мира Птолемея послужила предпониманием гелиоцентрической системы мира Коперника. Каким же могло быть это предпонимание Николая Коперника?

Вот что пишет по этому поводу И. С. Дмитриев: «Претензий к теории Птолемея за несколько столетий ее существования накопилось немало. Так, например, Джироламо Фракасторо (1478-1553), итальянский врач, поэт, геолог и астроном, преподававший в Падуанском университете, когда там учился Коперник (1501-1503), выступил с программой *renovatio* астрономии. Фракасторо простодушно предлагал устранить из космологических теорий всякие искусственные конструкции вроде Птолемеевых эквантов, эксцентров и эпициклов, которые он называл «монстрами», и вернуться к стройной теории гомоцентров Аристотеля. Но практически все упреки и претензии в адрес традиционной астрономии касались содержания теории Птолемея. Коперник же, соглашаясь, как правило, со всей этой критикой, вместе с тем понимал, что конфронтация с геоцентризмом на уровне содержания теории в современной ему ситуации – занятие совершенно бесперспективное, поскольку при любых космологических (а тем более математических) новациях *эмпирическая* проверка конкурирующих теорий, как уже было сказано, практически невозможна, а для «спасения явлений» можно придумать множество кинематических моделей. Да, и зачем вообще что-то еще придумывать, когда теория Птолемея-Региомонтана прекрасно работала. Поэтому Коперник пошел по иному пути – его главный упрек Птолемею касался формы теории. Рассуждения Птолемея «не представлялись [Копернику] достаточно совершенными и не вполне удовлетворяли разум», тогда как в гелиоцентрической теории «мы находим удивительную соразмерность мира и определенную гармоническую связь между движением и величиной орбит...». Панегирик своей теории Коперник заканчивает знаменательной фразой – найденной им соразмерности и гармонии мира «иным способом нельзя обнаружить, потому что «последовательность и величины светил, все сферы и даже

само небо окажуться (если принять гелиоцентрическую теорию. – И. Д.) так связанными, что ничто нельзя будет переставить в остальных частях и во всей Вселенной». Иными словами, Коперник не просто обращает внимание читателя на эстетические прелести гелиоцентризма, речь идет о большем – гелиоцентрическая теория в силу того, что она, и только она, дает гармонический «порядок орбит (*ordo orbium*)», уникальна, как уникален сотворенный Богом мир, «устроенный в наилучшем порядке *«propter nos»* [5, с. 17]. То есть предпонимание гелиоцентрической системы мира Коперника основывалось не на содержательных моментах теории, а на форме теории, её гармонии, на эстетическом понимании. Такая версия предлагает нам совершенно иного Коперника. Мы привыкли, что Коперник попытался дать упрощенное понимание устройства мира; оказывается, что при построении своей системы мира Коперник исходил из эстетических соображений, прежде всего из понятия «гармонии», прямо в духе пифагорейцев.

Однако, на этом наш анализ примера гелиоцентрической системы мира Николая Коперника не заканчивается. Здесь следует отметить, что обе высказанные выше версии причин возникновения системы Коперника отражают две различные позиции, существующие в современной историографии науки. Эти две позиции уже можно рассматривать как предпонимания различных исследователей творчества Николая Коперника: «Для одних исследователей характерен *“forward-looking”*, т.е. в минувшем их привлекает главным образом то, что впоследствии стало частью современного здания науки. Их лозунг – взять из прошлого огонь, а не пепел. С этой точки зрения, к примеру, алхимические и теологические штудии Исаака Ньютона или пифагорейство Иоганна Кеплера напоминают ветхую церквушку на фоне небоскребов. Другие историки, устоявшие перед соблазнами презентизма и «модерноцентризма», рассуждают иначе. Для них история науки – это не задача с заранее известным ответом, но самостоятельная дисциплина со своим проблемным полем и своим предметом изучения, который – по крайней мере, в идеале – не должен зависеть от наших сиюминутных озабоченностей, проблем, бед, обид, интересов и желаний. Нет никакого *«preordained or right way for ideas to develop* (предопределенного или правильного пути развития идей)» (M. Osler), задача историка – понять минувшее в его своеобразии и многоаспектности, а не обтесывать историческую реальность как бревно в надежде протащить ее в проем нашего нынешнего миропонимания» [5, с. 9]. Данный случай является показательным в том смысле, что он показывает, что даже исследователь истории чего-либо начинает своё исследование этой истории чего-либо с какого-то своего предпонимания исследуемого. Предпонимание в этом плане оказывается очень существенным: так как от того, каким будет предпонимание объекта познания, зависит конечное понимание этого самого объекта. Но ещё не менее важным, в научном исследовании, быть последовательным и объективным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Вергелес К. Н. «Предрассудок» Х.-Г. Гадамера и «парадигма» Т. Куна / К. Н. Вергелес // Вісник Дніпропетровського університету. – Т. 20. – Філософія. Соціологія. Політологія. – 2012. – № 22 (2). – С. 42-46.
2. Вергелес К. Н. Интерес и интересное как два модуса систем бытия человека / К. Н. Вергелес // Перспективи. – 2009. – № 2 (46). – С. 23-29.
3. Вергелес К. Н. Н. И. Кондаков и Х.-Г. Гадамер: Две точки зрения на роль предрассудков в научном познании / К. Н. Вергелес // Наукове пізнання: Методологія та технологія. – 2012. – № 1 (28). – С. 29-33.
4. Гусев С. С. Исследование / С. С. Гусев // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 119-121.
5. Дмитриев И. С. Искушение святого Коперника: ненаучная структура научной революции / И. С. Дмитриев // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. – 2003. – № 12. – С. 9-45.
6. Касавин И. Т. Знание / И. Т. Касавин // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 88-91.
7. Медведев В. И. Предпонимание / В. И. Медведев // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 734.
8. Неретина С. С. Концептуализм / С. С. Неретина // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 389-390.

© **С.В. Волобуєва**

9. Неретина С. С. Концепция / С. С. Неретина // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 391-393.
10. Огурцов А. П. Понимание / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. Н-С. – М.: Мысль, 2010. – С. 279-283.
11. Райхерт К. В. О значимости концепта в параметрической общей теории систем / К. В. Райхерт // Параметрическая общая теория систем и ее применения: сборник трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова / под общ. ред. А. Ю. Цофнаса. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 71-78.
12. Филатов В. П. Понимание / В. П. Филатов // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 267-272.
13. Швырёв В. С. Теория / В. С. Швырёв // Энциклопедический словарь по эпистемологии / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – С. 973-975.
14. Энциклопедия для детей. Том 8. Астрономия / глав. ред. М. Д. Аксенова. – М.: Аванта+, 1997. – 688 с.

УДК 378.1:17.022.1 (470+571)

С.В. Волобуєва - Національний транспортний університет (НТУ), м. Київ

ДЕВІАНТОЛОГІЧНІ ВИЯВИ РЕЛІГІЙНОГО СЕРЕДОВИЩА УКРАЇНИ: СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ АНАЛІЗ

У статті здійснено соціально-філософський аналіз явищ девіації у релігійному середовищі України; впорядковано термінологічний простір поняття «девіація»; визначено об'єктивні та суб'єктивні фактори, що свідчать про наявність девіантних процесів в сучасному суспільстві; обґрунтовано деструктивний, девіантогенний характер деяких неорелігійних течій.

Автор проблематизує поняття «девіація» та пропонує розмаїття підходів щодо його вивчення.

Ключові слова: девіація, девіантність суспільства, девіантні процеси, релігійне середовище, неорелігії.

ДЕВІАНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЫ УКРАИНЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проведен социально-философский анализ явлений девиации в религиозной среде Украины; упорядочено терминологическое пространство понятия «девиация»; определены объективные и субъективные факторы, свидетельствующие о наличии девиантных процессов в современном обществе; обосновано деструктивный, девиантогенный характер некоторых неорелигиозных течений.

Автор проблематизирует понятие «девиация» и предлагает разнообразие подходов к его изучению.

Ключевые слова: девиация, девиантность общества, девиантные процессы, религиозная среда, неорелигии.

DEVIATOLOGICAL MANIFESTATION OF RELIGIOUS ENVIRONMENT UKRAINE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article contains social and philosophical analysis of the deviation phenomena in the religious environment of Ukraine; the author arranged the terminological realm of «deviation» term; defined the objective and subjective factors evidencing existence of the deviant processes in the contemporary society; substantiated the destructive and deviantological nature of some neo-religious sects.